

Макарова Светлана Анатольевна

"ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ" А. А. ФЕТА: "ЧИСТОЕ ИСКУССТВО" ИЛИ ПРЕДСИМВОЛИЗМ?

В статье рассматриваются сложный творческий путь А. А. Фета, причины противоречивого восприятия фетовских сборников 1840, 1850, 1856, 1863 гг. и, прежде всего, неоднозначной оценки "Вечерних огней" 1880-х - начала 1890-х гг. Акцент делается на исследовании содержательных и художественных особенностей всех выпусков "Вечерних огней", тематики, мотивов, образов, идей сборника, которые, с одной стороны, были созвучны эпохе предсимволизма, с другой - со всей очевидностью соответствовали эстетике "чистого искусства". В статье формулируются выводы о развитии поэтического таланта Фета, дается ответ на вопрос об эстетических доминантах позднего периода его творчества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются сложный творческий путь А. А. Фета, причины противоречивого восприятия фетовских сборников 1840, 1850, 1856, 1863 гг. и, прежде всего, неоднозначной оценки «Вечерних огней» 1880-х – начала 1890-х гг. Акцент делается на исследовании содержательных и художественных особенностей всех выпусков «Вечерних огней», тематики, мотивов, образов, идей сборника, которые, с одной стороны, были созвучны эпохе предсимволизма, с другой – со всей очевидностью соответствовали эстетике «чистого искусства». В статье формулируются выводы о развитии поэтического таланта Фета, дается ответ на вопрос об эстетических доминантах позднего периода его творчества.

Ключевые слова и фразы: «чистое искусство»; эстетические взгляды; темы и мотивы; образы и идеи; предсимволизм; конфликт с эпохой.

Макарова Светлана Анатольевна, к. филол. н.

г. Москва

svetlanamakarova658@gmail.com

«ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ» А. А. ФЕТА: «ЧИСТОЕ ИСКУССТВО» ИЛИ ПРЕДСИМВОЛИЗМ?

Творческую судьбу А. А. Фета сложно назвать счастливой. В 1840 г. девятнадцатилетний поэт публикует свой первый сборник стихотворений «Лирический Пантеон», который во многом был несамостоятельным. Сборник не получил широкого признания даже не потому, что Фет пока еще «перепевал» других поэтов, – многое объяснялось эпохой. 1840-е гг. в истории отечественной словесности можно назвать переломными: после «Золотого века» поэзии и романтизма начинают стремительно развиваться проза, «натуральная школа» и критический реализм. Роль лирики заметно снижается на фоне смены «поэтических поколений»: из жизни уходят М. Лермонтов (1841), А. Кольцов (1842), Е. Баратынский (1844), И. Крылов (1844), В. Кюхельбекер (1846), Н. Языков (1846); в то же время с новыми сборниками выступают Н. Некрасов («Мечты и звуки», 1840), А. Майков («Стихотворения», 1842), А. Плещеев («Стихотворения», 1846), А. Григорьев («Стихотворения», 1846). Молодым авторам не удается удержать лирику на прежних высотах: в контексте небывалого «реванша» прозы поэзия становилась все более и более не востребуемой, в том числе и «Лирический Пантеон» Фета [10].

Казалось бы, оживление интереса к поэзии, наступившее в 1850-е гг., должно было коренным образом изменить восприятие лирики Фета. Отчасти так и произошло: в 1850 и 1856 гг. выходят новые сборники его сочинений, фетовские произведения публикуют многие журналы. В литературных кругах известность поэта не просто выросла, 1850-е гг. в творчестве Фета вообще можно назвать периодом подъема. Вместе с тем среди литературных критиков наметился явный раскол в оценках стихотворений Фета, среди читателей он так и остался «второстепенным» автором, а в начале 1860-х гг. поэт и вовсе оставляет творчество [7, с. 78-90], что вновь объясняется особенностями литературного процесса.

Поднятый критиками «эстетического» направления в 1856-1857 гг. (прежде всего, В. П. Боткиным [3, с. 227] и А. В. Дружининым [5, с. 93]) на вершину «чистого искусства», к концу 1850-х гг. Фет не только дистанцировался от демократического, гражданского направления в поэзии, народной тематики, общественной и социальной проблематики, он обосновал свою эстетическую программу, став мэтром «чистой лирики». Фет был убежден, что в окружающем мире разлита красота. Поэт обязан ее почувствовать и «эстетично» воссоздать реальную действительность: «...художнику дорога только одна сторона предметов: их красота, точно так же, как математику дороги их очертания и численность. <...> Пока глаз его не видит ее ясных, хотя и тонко звучащих, форм там, где мы ее не видим, или только смутно ощущаем – он еще не поэт» [11, с. 167].

Настойчиво раскрывая «вечные» темы – природы, творчества, любви, смысла человеческой жизни, музыки мира, красоты Вселенной, – Фет вызвал резкую критику М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, признававших лирический талант «чистого лирика», но считавших его творчество однообразным и узким. Д. Д. Благой справедливо отмечал: «...в отсутствии <...> связи с общественными вопросами, ставившимися “духом времени” и остро волновавшими современников, – и видели критики-шестидесятники коренной недостаток Фета» [8, с. 519]. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. Фет, как и в 1840-е гг., шел «мимо» эпохи, которая его снова отвергла: итоговое собрание сочинений 1863 г. не получило признания у читателей, поэтические сборники плохо раскупались, литературная критика стала носить оскорбительный характер, и Фет был вынужден взять «творческую паузу», которая продлилась почти двадцать лет! Что-либо доказывать Фет посчитал бесполезным – эпоха не принимала «чистую лирику».

Между тем бесспорный лирический талант Фета признавали многие выдающиеся писатели второй половины XIX в., среди которых Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой. Толстой был особенно неумолим: «Я от вас все жду, как от 20-тилетнего поэта, и не верю, чтобы вы кончили. <...> Поток ваш все течет, давая то же известное количество ведер воды – силы. Колесо, на которое он падал, сломалось, расстроилось, принято прочь, но поток все течет, и ежели он ушел в землю, он где-нибудь опять выйдет и завертит другие колеса» [Там же, с. 551-552].

Действительно, с конца 1870-х гг. Фет снова начинает активно писать и переводить, его «колесо» исправилось, а «поток» выплеснулся небывалым творческим подъемом. Итогом «лирического безумства» позднего периода творчества стал сборник под многозначным названием «Вечерние огни», четыре выпуска которого Фет опубликовал в 1883, 1885, 1888 и 1891 гг., пятый выпуск поэт издать не успел. Казалось, все готовило Фету успех: к концу жизни в литературных кругах его воспринимают патриархом «чистого искусства»,

с начала 1880-х гг. снижается роль реалистического искусства, прозы и вновь возрастает интерес к лирике. Но вместо признания – равнодушие читателей, нераскупленные тиражи и полемика с эпохой.

В период «безвременья» в России многое меняется: вместо веры в народ – разочарование в народническом движении, вместо общественного подъема – настроения усталости, безверия, отчаяния, индивидуализма. Пессимистические идеи приводят к поиску мистического содержания, модернистских художественных решений. Не случайно 1880-е гг. называют эпохой предсимволизма, ведь в 1890-е гг. Россия узнала о появлении первого модернистского течения – символизма. В поэзии аналогично 1840-м гг. происходит смена поколений. С одной стороны, в 1880-е гг. завершали свой творческий путь А. Н. Майков (Полное собрание сочинений в трех томах 1884 г.), Я. П. Полонский (Полное собрание сочинений в десяти томах 1885-1886 гг.), после длительного молчания вновь начинают публиковаться А. Н. Апухтин, К. К. Случевский. С другой стороны, в поэзию входит новое поколение поэтов: В. С. Соловьев, С. Я. Надсон, К. М. Фофанов, С. А. Андреевский, М. А. Лохвицкая и др. – именно их в истории литературы считают предсимволистами, именно они, сумевшие выразить настроения общественного декаданса, нравственного Апокалипсиса, стали в эпоху «безвременья» признанными, популярными, читаемыми. А вершина лирического творчества Фета, так самозабвенно увлекавшегося Шиллером, Байроном, Лермонтовым, духовно сформировавшегося еще в эпоху 1840-х гг. [Там же, с. 523], – «Вечерние огни» Фета – вновь отвергнуты!

В данной связи возникают закономерные вопросы: в силу каких причин «Вечерние огни», вознесенные буквально через несколько лет символистами на вершины поэтического Олимпа, не получили должной оценки в 1880-х гг.? К каким творческим итогам пришел Фет, мужественно сохранявший себя в отечественной словесности в течение полувека? Остался ли он поэтом «чистого искусства» или его позднее творчество необходимо рассматривать в контексте предсимволизма? Ответы на данные вопросы оборачиваются постижением содержательных и художественных особенностей всех выпусков сборника.

Исследование «Вечерних огней» Фета убедительно доказывает, насколько изменились настроения поэта по сравнению с эпохой 1840-х – начала 1860-х гг. Во многом они были созвучны концу XIX столетия. Прежде всего, следует отметить, что в «Вечерних огнях» усилилось философское содержание. Сам Фет выступал категорически против философской поэзии, признавая лишь лирическую природу стихотворного творчества [6, с. 6]. Вместе с тем хорошо знавший философию И. Канта, А. Шопенгауэра, не менее успешно познавший силу судьбы (свою жизнь поэт называл самым сложным романом) Фет не мог не высказать собственные представления о бытии, мироздании. Философских мотивов в «Вечерних огнях» очень много, но самыми распространенными можно считать мотивы усталости, разочарования, боли, старости, смерти: «Измучен жизнью, коварством надежды» [8, с. 14], «Проснулся я. Да, крыша гроба, – руки / С усилием простираю и зову / На помощь» [Там же, с. 6], «Жизнь пронеслась без явного следа» [Там же, с. 25], «О, как ничтожно все!» [Там же, с. 215], «Полуразрушенный, полужилец могилы, / О тайнствах любви зачем ты нам поешь?» [Там же, с. 326]. В некоторых стихотворениях Фета появляются «тютчевские» идеи и мотивы [Там же, с. 616-622]: неожиданно «чистый лирик» размышляет на нравственные проблемы («Ничтожество» [Там же, с. 20], «Добро и зло» [Там же, с. 191]), высказывается в риторической и дидактической тональности («Учись у них – у дуба, у березы...» [Там же, с. 204], «Смерти» [Там же, с. 205]). Всегда настойчиво подчеркивавший свои атеистические взгляды [4, с. 15], в «Вечерних огнях» Фет пишет несколько стихотворений на религиозные темы: «1 марта 1881 года» [8, с. 18], «Когда Божественный бежал людских речей...» [Там же, с. 19], «К Сикстинской мадонне» [Там же, с. 184].

Пессимистические настроения позднего Фета, «совпавшие» с эпохой 1880-х гг., во многом объясняются критикой действительности, которая вопреки его эстетическим взглядам звучит в некоторых стихотворениях на тему поэта и поэзии: «На этом торжище, где гам и теснота, / Всех громогласней тать, убийца и безбожник» [Там же, с. 17], «С торжищ житейских, бесцветных и душных, / Видеть так радостно тонкие краски» [Там же, с. 318]. Неприятие «будней», «прозы» жизни приводит даже к усилению автобиографических мотивов в «Вечерних огнях», что раньше Фетом последовательно исключалось, ибо «чистый лирик» был убежден: земное бытие человека настолько безрадостно, его собственная судьба столь тяжела и непоэтична, что это несовместимо с красотой мира, воссоздаваемой высокой лирикой. В предисловии к третьему выпуску «Вечерних огней» Фет напомнил своим читателям еще раз: «...жизненные тяготы и заставляли нас в течение пятидесяти лет по временам отворачиваться от них и пробивать будничные льды, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии» [Там же, с. 238]. Больше всего уставший от жизни Фет пишет о старости и смерти – это безусловные лейтмотивы «Вечерних огней».

Но чем очевиднее трагедия жизненного финала, тем мощнее художественная попытка «вырваться» из рук смерти. И здесь Фет тоже нередко созвучен предсимволизму. Всегда писавший о красоте реального мира, прочно стоявший на «земле», в «Вечерних огнях» Фет создает свой собственный мир фантазий, мечты, грез, иллюзий. После смерти любимой Марии Лазич, офицерской службы, прозаичной жизни помещиком Фет размышляет о «двойном бытии» – бытии прошлого и настоящего, смерти и памяти, материального и духовного, потери и вечной любви: «Я пронесу твой свет чрез жизнь земную; / Он мой, – и с ним двойное бытие» [Там же, с. 9], «В душе, измученной годами, / Есть неприступный чистый храм, / Где все нетленно» [Там же, с. 59].

Характерными для «Вечерних огней» становятся мотивы сна, сновидений, значения которых подчас контекстуальны, а чаще и вовсе метафоричны. Сон в позднем творчестве Фета – мечты, блаженство, «бегство» от реальной действительности и, увы, то, что мучительно ожидалось и настойчиво осмысливалось Фетом, – смерть: «Чудную песню я слышал во сне» [Там же, с. 43], «Тревожить мертвых сон святой» [Там же, с. 82], «В мечтах и снах нет времени оков» [Там же, с. 291], «Уснув последним сном» [Там же, с. 336], «Как будто бы нельзя в больном и сладком сне / Дозволить мне любить вас пламенно и нежно» [Там же, с. 339]. Нередко в «сладких снах» Фета даже появляются некие мистические отзвуки, образы – феи, эллины, архангелы: «Из царства злаков,

волей фей, / Перенеслись непостижимо / Мы в царство горных хрустелей» [Там же, с. 31], «Все тучки, тучки, а кругом / Все сожжено, все умирает; / Какой архангел их крылом / Ко мне на нивы навевает!» [Там же, с. 60].

Как видим, в содержательном отношении в поздний период творчества Фет – через настроения, мотивы, образы – фатально приблизился к эстетике символистов. То же самое можно сказать относительно художественной формы стихотворений, нередко импрессионистичных, неожиданных и даже непонятных. Всю жизнь оставаясь новатором, лириком в «ее наиболее чистой, “предельной” форме» [6, с. 6], стремясь преодолеть имманентные границы поэзии экспрессией музыкальных приемов [7, с. 44-46], в «Вечерних огнях» Фет продемонстрировал редкую эlegantность во владении силлабо-тоническим стихом, свидетельствующим о готовности к реформированию классической системы версификации, что неизбежно произошло в творчестве символистов на рубеже XIX-XX вв. Мастерски справляясь с чистыми силлабо-тоническими размерами, в особенности с амфибрахием и анапестом, Фет пробует вариативные междуударные интервалы, «смешанные» метры. Он создает логазды («Измучен жизнью, коварством надежды...» [8, с. 14], «В тиши и мраке таинственной ночи...» [Там же, с. 16]), чередует дву- и трехсложные размеры в одном стихотворении («Давно в любви отрады мало...» [Там же, с. 398]), длинные и короткие поэтические строки («Я полон дум, когда, закрывши вежды...» [Там же, с. 302]).

Фет доводит до совершенства напевный стих, романсную композицию, сопровождая их разнообразными интонационно-мелодическими фигурами: анафорами, эпифорами, эпаналепсисом, эпанастрофой («Отчего со всеми я любезна...» [Там же, с. 57], «В дымке-невидимке...» [Там же, с. 44], «Я тебе ничего не скажу...» [Там же, с. 282]). Сборник «Вечерние огни» – яркое доказательство максимального развития метроритмических и мелодических возможностей силлаботоники, углубленного психологизма и повышенного лиризма, сконцентрированных в русском стихе к концу XIX в., что привело в 1890-1910-е гг. к появлению новых стихометрических форм долника, тактовика, верлибра, новой декламационно-тонической системы версификации. Вклад Фета в развитие русского стиха в конце XIX в. огромен.

Казалось бы, все говорит о том, что позднее творчество Фета – яркий пример предсимволизма, убедительный образец эпохи 1880-х гг. Между тем «Вечерние огни» так и остались воплощением страстной мечты Фета скрыться от прозаических будней, забыть про мучения и страдания, преодолеть физическую смерть, «улететь» от земной суеты в мир чуда, радости, счастья. Читатели не поняли и не оценили позднее творчество Фета – всеобщим кумиром в 1880-е гг. стал С. Надсон.

Действительно, в своих главных идеях Фет никак не мог быть принят эпохой декаданса. Да, пессимистические мотивы усталости, разочарования, боли, старости, смерти являются сквозными в «Вечерних огнях», трансформируясь в лейтмотивы. Но все эти чувства преодолеваются Фетом и транспонируются в философскую плоскость. В результате большинство стихотворений в «Вечерних огнях» звучит в мажорной тональности. Зло побеждается добром, старость – молодостью, смерть – вечностью: «Пари, всезрящий и всеильный, / И с незапятнанных высот / Добро и зло, как прах могильный, / В толпы людские отпадает» [Там же, с. 192], «Кругом зима. Жестокая пора!.. / Но верь весне» [Там же, с. 204], «А ты, застывший труп земли, лети, / Неся мой труп по вечному пути» [Там же, с. 24].

Нередко идеи и мотивы приобретают даже семантику оксюморона – настолько сильным предстает стремление Фета преодолеть земные горести и обрести радость бытия: «Но перед ним туда навек закрыта дверь, / Где радость теплится страданья» [Там же, с. 243]. Подойдя к «вечеру» жизни, Фет демонстрирует высоты человеческого духа, воспевая красоту мира и вечный космос: «Еще люблю, еще томлюсь / Перед всемирной красотой» [Там же, с. 375]. Душа «старика» (так Фет называл себя во многих стихотворениях) молода, его сердце разгорается все сильнее – мотивы молодости, «горения», образ огня очень часто встречаются в поздних стихотворениях. Собственно, и название сборника, «Вечерние огни», – оксюморон: огни горят в полумраке, на исходе, но они светят загадочным будущим: «Ношу в груди, как оный серафим, / Огонь сильней и ярче всей вселенной» [Там же, с. 22], «Так сходят корни в глубь могилы / И там у смерти ищут силы / Бежать навстречу вешним дням» [Там же, с. 375].

В «Вечерних огнях» Фет, отдавая должное человеческим страданиям и признавая «ничтожность» жизни в сравнении с вечностью, не перестает безудержно славить все лучшее в человеке: дар любви, талант творчества: «И молодость, и суетную честь, / И все, чем я дышал, – блаженною мечтою / Лечу к твоим ногам младенческим принести» [Там же, с. 214]. Мотив полета, прозвучавший в процитированном стихотворении, сопровождает не только любовную лирику позднего Фета. Особенно ярко он звучит в стихотворениях на тему поэта и поэзии. Истинному поэту, рассуждающему на «вечные» темы, далекому от «прозы» жизни, сообщается редкий дар – создать свой идеальный мир, эстетизировать земное, возвысить обыденное, улететь навстречу гармонии: «Одной волной подняться в жизнь иную... / Вот чем певец лишь избранный владеет! / Вот в чем его и признак, и венец!» [Там же, с. 319]. С не меньшей силой Фет стремится улететь к звездам, в небо, космос, ведь вечность опровергает саму смерть и делает ее ничтожной и нестрашной: «И тотчас в небо унесут / Меня раскинутые крылья» [Там же, с. 269], «Так и по смерти лететь к вам стихами, / К призракам звезд буду призраком вдоха» [Там же, с. 331].

Конечно, природа – это еще одно проявление красоты мира, способное сообщить человеку «полетное» состояние души. В «Вечерних огнях» Фет славит эту непостижимую силу, восхищается единством человека и природы. Так, море дает возможность насладиться непредсказуемостью («Буря» [Там же, с. 26], «После бури» [Там же, с. 28]), весна полностью захватывает молодостью, обновлением («Когда вослед весенних бурь...» [Там же, с. 36], «Пришла, – и тает все вокруг...» [Там же, с. 38]), осень дает надежду на грядущее («Осенью» [Там же, с. 58]). Природа, как и душа человека, – воплощение многообразия и стихийности мира: «И бессознательная сила / Свое ликует торжество» [Там же, с. 41]. Но самое прекрасное в жизни природы для Фета – это ночь, которая искрится, переливается, «горит» звездами, расцветивается лучами, освещается

луной. Фет наделяет ночь такими эпитетами, которые развеивают пессимизм и заставляют говорить только о торжестве природы, ее бессмертии и способности воскресить духовные силы человека, – ночь у Фета «непорочная», «лазурная», «таинственная», «благодатная», «серебряная». Тайна ночи для Фета непознаваема – возможно, потому ночное время суток так исцеляюще и оптимистично.

Как видим, в «Вечерних огнях» пессимистические идеи растворяются в мажорных интонациях; в поздних стихотворениях звучат мотивы молодости, вечности, полета, духовного огня; Фет воспевает красоту реального мира, любовь, поэзию, природу. Явно сопротивляясь эпохе 1880-х гг. духовно, содержательно и эстетически, «воспаряя» над земной реальностью, удаляясь в мир мечты, фантазий, грез, Фет с объективной неизбежностью вновь возвращается к красоте земной жизни, нередко «погружаясь» в своеобразный «сон», в котором он чувствует себя органично, гармонично, почти идеально. В. Н. Касаткина в статье «Лирика сновидений А. А. Фета» так писала об этой художественной особенности «чистого лирика»: «...оттолкнувшись от романтической традиции, поэт отошел от нее, в его лирике весь видимый и чувствуемый мир как бы погружен в состояние грезы-сна <...> Такого рода слияние сна и яви, реального и нереального и пребывание действительности в объятиях грезы-сна – важнейший признак уже постромантизма, которым отмечены больше всего “Вечерние огни”» [2, с. 71]. Безусловно, «постромантизм» – это не предсимволизм. Молодые поэты 1880-х гг., конечно, грезил о мистических силах и сверхъестественном спасении мира, но эти грезы, как в бездне, тонули в отчаянии, разочаровании, настроениях Апокалипсиса.

Удивительно, но эстетика позднего Фета, как и «двойное бытие» Фета – Шеншина, поэта и помещика, человека-пессимиста и жизнерадостного лирика, – тоже своеобразный «оксюморон». Реализм, постромантизм, модернизм, импрессионизм, неоромантизм – так или иначе, элементы названных течений и направлений второй половины XIX в. присутствуют в «Вечерних огнях». Для Андрея Белого Фет и вовсе был «символистом до символизма» [1, с. 79], критики-демократы 1860-х гг. считали Фета «негражданским» поэтом, а для критиков «эстетического» направления он – представитель «чистого искусства». Действительно, Фет с огромными перерывами писал на протяжении полувека – с 1840-х до начала 1890-х гг. – и не мог не измениться как с духовной, мировоззренческой, так и с эстетической, художественной точки зрения.

Являются ли «Вечерние огни» сборником поэта «чистого искусства», или поздние сочинения Фета – явление предсимволизма? Думается, содержательная и художественная природа «Вечерних огней» сложна и неоднозначна. С точки зрения мотивов, образов, стихотворной формы Фет готовил путь к символизму. Но с точки зрения главных идей, преобладающей мажорной тональности, общей классичности силлаботоники Фет так и остался в рамках «чистого искусства». В эпоху общественного декаданса и апокалиптических настроений 1880-х – начала 1890-х гг. Фет продолжал воспевать свою любимую КРАСОТУ МИРА, перед которой преклонялся еще в 1840-1850-е гг., почему и оказался «над» конкретными историческими эпохами, по-настоящему не понятыми и не признанными. Сначала «помешала» проза, потом – гражданская лирика... Фет прошел и «мимо» декаданса, эпохи «безвременья» 1880-х гг., готовя себе триумф у поэтов-символистов и прокладывая истинное признание в XX столетии. «Пропевший» «мимо» эпох и «воспаривший» над ними Фет доказал свои пророческие слова – «Вот, чем певец лишь избранный владеет!» – и своим «избранничеством» овладел «вечностью», ибо только она и признавалась Фетом как нечто несокрушимое и достойное жизни, творчества.

Список литературы

1. **А. А. Фет. Материалы и исследования** / отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М. – СПб.: Альянс-Архео, 2010. Вып. 1. 552 с.
2. **А. А. Фет. Поэт и мыслитель: к 175-летию со дня рождения А. А. Фета:** сборник научных трудов / гл. ред. Е. Н. Лебедева. М.: Наследие, 1999. 308 с.
3. **Боткин В. П.** Литературная критика. Публицистика. Письма. М.: Советская Россия, 1984. 320 с.
4. **Бухштаб Б. Я. А. А. Фет.** Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 136 с.
5. **Дружинин А. В.** Литературная критика. М.: Советская Россия, 1983. 384 с.
6. **Кожин В. В.** Поэзия и судьба Афанасия Фета // Фет А. А. Стихотворения. М.: Современник, 1981. С. 5-16.
7. **Маймин Е. А.** Афанасий Афанасьевич Фет. М.: Просвещение, 1989. 158 с.
8. **Фет А. А.** Вечерние огни. М.: Наука, 1979. 816 с.
9. **Фет А. А.** Воспоминания. М.: Правда, 1983. 494 с.
10. **Фет А. А.** Лирический Пантеон. М.: Типография Селивановского, 1840. 19 с.
11. **Фет А. А.** Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. 461 с.

“EVENING LIGHTS” BY A. A. FET: “ART FOR ART’S SAKE” OR PRE-SYMBOLISM?

Makarova Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Moscow
svetlanamakarova658@gmail.com

The article examines the complicated creative development of A. A. Fet, the reasons for contradictory perception of his collections of 1840, 1850, 1856, 1863 and, first of all, ambiguous evaluation of “Evening Lights” of the 1880s – the beginning of the 1890s. The paper focuses on analyzing the meaningful and artistic peculiarities of the “Evening Lights” series, themes, motives, images, ideas of the collection, which, on the one hand, were in tune with pre-symbolism conceptions and, on the other hand, evidently suited the “art for art’s sake” esthetics. The paper concludes on Fet’s poetical talent development, identifies the esthetic dominants of the late period of his creative work.

Key words and phrases: “art for art’s sake”; esthetic views; themes and motives; images and ideas; pre-symbolism; conflict with epoch.